Голутвин.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

В. А. ГОЛУТВИН

СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕЧАТИ В.С.Н.Х. С.С.С.Р.
МОСКВА - 1926 г. - ЛЕНИНГРАД

В. А. ГОЛУТВИН.

СОЮЗ РАБОЧИХ и КРЕСТЬЯН

РАНЬШЕ и ТЕПЕРЬ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕЧАТИ ВСНХ СССР.
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1925 г.

Главлит 43.557 Тираж 5.000

Типография „Новая Деревня“. Москва, 2-я Рыбинская, д. 3.

Подобно тому, как два родных брата не бывают настолько похожи друг на друга, чтобы их нельзя было отличить, так и два труженика: рабочий и крестьянин имеют каждый свою повадку. У одного — свое собственное хозяйство, в котором он трудится, свои собственные орудия труда, при помощи которых он работает; и нанимается он на работу только тогда, когда не ладится в собственном хозяйстве, для пополнения дохода. Другой, наоборот, такой собственности не имеет и, чтобы жить, вынужден продавать единственное, что у него есть — свои рабочие руки. Наем на работу — единственный доход рабочего. То, что выработает рабочий, принадлежит не ему, а тому, кто его нанял и приставил к машине; наоборот, продукт крестьянского труда принадлежит крестьянину, он может им распорядиться, как хочет, он обычно сам продает его на базаре.

На рынке рабочий с крестьянином встречаются не всегда по-дружески. Рабочий хочет купить там продовольствия (хлеба, мяса, яиц, масла) подешевле, а крестьянин норовит продать подороже. Интересы рабочего и крестьянина тут расходятся. Бывает и по другим случаям расхождение их интересов.

Но можно ли из этого сделать вывод, что у рабочего и крестьянина нет ничего общего, что им друг с другом не по пути.

Нет, нельзя! Это будет неверно.

Нельзя уже по одному тому, что, ведь, рабочие в большинстве происходят из крестьянства, нельзя потому, что громадная масса рабочих до сих пор сохранила тесную связь с деревней, где у одного жена, у другого отец с матерью, у третьего братья и т. д. И хотя между рабочими и крестьянами бывают расхождения по некоторым из их интересов, но зато другие, наиболее важные, жизненные их интересы у них совершенно одинаковы, главные пути у них общие.

Совсем недавно еще, до революции, развитие деревни шло таким образом, что громадная масса крестьянства разорялась, испытывая величайшие мучения. Иначе и не может итти развитие крестьянского хозяйства при капитализме: один богатеет, другой зато нищает. И только при Советской власти, т.-е. при диктатуре пролетариата становится возможным другой путь: поднятие благосостояния большинства крестьянства. Все крестьянство в целом будет теперь улучшать, развивать свое хозяйство, пользуясь помощью, поддержкой рабоче-крестьянской власти.

При капитализме почти для каждого крестьянина была одна судьба—разорение, теперь, наоборот,—он стоит на пути поднятия своего благосостояния. Самые важные интересы крестьянина совпадают с интересами рабочих, и они дружно начали строить вместе новую жизнь.

Основная мысль учения Ленина, основная мысль *ленинизма* заключается именно в том, что наиболее важные интересы у рабочих с крестьянами—общие, что общность интересов рабочих и крестьян с лихвой покрывает то, в чем они расходятся. *Поэтому они и революцию могли совершить сообща, в союзе друг с другом и коммунистическое общество также смогут построить на основе этого союза.*

Владимир Ильич Ленин постоянно учил нас укреплять этот союз пролетариата с крестьянством, указывая на общность их интересов. Он учил нас уметь находить в каждый исторический момент эти общие интересы. И весь опыт нашей революции показал нам, что во всякий важный момент такие общие интересы находятся и оказываются настолько могущественными, что решают исход борьбы. Так было в феврале 1917 года, когда крестьянство вместе с рабочим классом стремилось к одной и той же цели— свержению помещичье-царского строя, так было в октябре 1917 года, когда общей задачей пролетариата и крестьянства было победить и свергнуть господство буржуазии, так было в 1918—20 годах во время ожесточенной гражданской войны, когда крестьянство в союзе с рабочим классом отстаивало завоевания революции, так будет, наконец, при достижении самой важной, самой заветной цели—установления коммунистического строя, когда уже совсем не будет деления общества на классы.

Присмотримся же поближе к тому, какие интересы у рабочих и у крестьян были во все эти моменты общими. Иными словами, посмотрим, *на чем в решительные моменты жизни страны покоился союз пролетариата и крестьянства, на чем покоится он сейчас, что заставляло раньше и что заставляет теперь рабочего и крестьянина итти рука об руку, что делает пролетариат для того, чтобы укрепить этот союз.*

Крестьянство после „освобождения" 1861 г.

Двадцать пять лет тому назад тов. Ленин написал статью: „Рабочая партия и крестьянство". В этой статье, написанной перед революцией 1905 года, Ленин оценил по достоинству то *великое ограбление крестьянства*, которое называется „освобождением от крепостного права".

„На самом деле", писал он „это было освобождение крестьян от земли, потому, что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены—посажены на четвертной или нищенский надел. На самом деле крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю,—их заставили еще платить „выкуп" за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены... крестьян заставили платить „не только за свою землю, но и за свою свободу".

Из той земли, которою пользовались крестьяне до реформы, почти пятую часть помещики отрезали у них в свою пользу. С другой стороны, за землю, которая осталась у крестьян, которой они вечно владели, им пришлось заплатить к 1902 году (сорок пять лет платили) 1.387 милл. рублей, тогда как стоила

эта земля лишь 648 милл. рублей. Крестьяне попали в такие тиски из-за малоземелья, что оказались вынужденными на кабальных условиях брать у помещиков свою же собственную землю в аренду или же по дорогой цене через Земельный банк покупать ее, надевая себе на шею настоящую петлю.

Ленин писал в той же статье об этом плачевном состоянии крестьянства следующее:

„Освобожденный“ от барщины крестьянин вышел таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как „добровольно“ итти на барщину. И мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезанные земли, подряжаясь зимой—за ссуду хлеба голодающей семье—на летнюю работу. Отработки и кабала—вот чем оказался на деле тот «свободный труд», призвать на который «божие благословение» приглашал крестьянина манифест».

Ежегодные платежи крестьян за покупаемую ими землю дошли к 1913 году до 215 милл. рублей, а за аренду земли до 450 милл. рублей. Всего, значит, крестьянство тратило из своего дохода 665 милл. руб. за право трудиться на земле. Если сюда прибавить еще примерно 800 с лишним милл. рублей, которые крестьянство платило в виде прямых и косвенных налогов, то окажется, что третья часть всего *валового* *) дохода крестьян от сельского хозяйства уходила на эти платежи.

Дороговько таки обходилась крестьянину его кормилица—земля.

---

*) *Валовым* доходом называется общая стоимость всех тех продуктов, которые добыты в крестьянском хозяйстве. *Чистым*—доход будет называться после того, как из всей стоимости продуктов вычесть затраты крестьянина на их производство (закупка семян, его труд, расход на лошадь и т. д.).

Чему научил 1905 год рабочих и крестьян.

Это положение ни в чем не изменилось до революции 1905 года. Вот почему еще до 1905 года крестьянство повсеместно волновалось, доводимое нуждой и помещичьим гнетом до белого каления, а в революцию 1905 года прокатилась уже по всей России громадная волна крестьянских восстаний.

К 1905 году земля распределена была у нас таким образом, что 10 с половиной миллионов крестьянских семейств владели 75 милл. десятин земли и почти столько же земли (70 милл. дес.) находилось в руках всего 30 тысяч крупных землевладельцев. *На одного помещика приходилось, значит, столько же земли, сколько на 320 крестьянских семейств.*

Волны крестьянской борьбы 1905 года не слились с волнами рабочей революции. Крестьянское движение 1905 года было раздавлено правительством. Но уже тогда не только руководимая Лениным партия большевиков понимала необходимость союза рабочего класса с крестьянством, но и само крестьянство смутно чувствовало, что успешным его движение может стать только в союзе с рабочим классом, что завоевать землю и свободу оно может только при совместном с ним выступлении. Новая волна крестьянского движения началась уже после того, как в декабре 1905 г. окрепший царизм нанес решительное поражение московскому пролетариату и перешел окончательно в наступление. Широкое крестьянское движение началось, собственно, лишь весной 1906 года. Рабочий класс уже был разбит в тот момент.

Напуганное крестьянскими волнениями и революцией, правительство хотело было сначала пойти на серьезные уступки, но когда революционная волна спала, когда царское правительство почувство-

вало себя прочнее, оно решило оставить все попрежнему. Царские чиновники заявили, что крестьяне волнуются и требуют земли не потому, что у них ее недостаточно, а потому что они не привыкли уважать частную собственность на землю.

Вместо того, чтобы дать крестьянам помещичью землю, которую крестьяне с таким нетерпением ожидали от государственной думы, царский министр Столыпин решил создать в деревне оплот самодержавия в лице зажиточных хуторян. Согласно знаменитого „указа 9 ноября 1906 г.“ каждый крестьянин мог выделить из общины свою надельную землю, не считаясь с волей общины. В результате этого указа и последующего закона 14 июня 1910 г. громадная масса крестьянских хозяйств (больше половины) превратилась в подворников. Как разрушалась община, видно из того, что в селении, в котором хотя бы один двор вышел из общины,—все крестьяне признавались по закону перешедшими к подворному владению. Хуторских же и отрубных хозяйств за 10 лет с 1907 по 1916 г. образовано было более полутора миллиона с 16 милл. десятин земли.

Тем не менее, эти меры не могли успокоить крестьян и не создали царскому правительству сколько-нибудь значительного оплота в деревне. После революции 1905 года земельно-крестьянский вопрос так и остался неразрешенным для огромного большинства бедняков и середняков, их нужды не получили ни малейшего удовлетворения. Обманутое в своих надеждах на государственную думу, (к выборам в которую оно так серьезно относилось, веря, что дума даст землю), крестьянство за эти годы многому научилось, приобрело политический опыт, оно отчетливо поняло, кто является его действительным союзником в борьбе за землю, с кем надо итти.

С этого времени пути рабочего класса и крестьянства сошлись и они выступают уже все время совместно.

На чем сошлись рабочий и крестьянин в окопах империалистической войны.

Особенно тесно и прочно сплелись пути рабочего класса и крестьянства во время войны 1914—1917 года, которую затеяли капиталисты разных стран для того, чтобы разделить между собою право угнетать трудящихся всего мира. Чтобы вести войну, которая сулила им барыши, они превратили рабочих и крестьян в пушечное мясо и заставили трудящихся одной страны драться со своими братьями — трудящимися другой страны.

Кому в земле гнить, а кому на земле жир нагуливать!

Понятно, что обогативши многих капиталистов, создав многочисленных спекулянтов на военных поставках, эта бойня ничего не принесла рабочим и крестьянам, кроме разорения и гибели. Под угрозой тюрем и расстрелов капиталистическое правительство погнало рабочих и крестьян в окопы, заставило их работать на „оборону“ изготовлять снаряды, пушки и проч.

Рабочий и крестьянин, одетые в одну и ту же серую шинель, встретились в окопах, за одним и тем же котелком солдатской каши. Крестьянин-солдат рассказывал рабочему, как война разрушает его хозяйство в деревне, оторвав от него лучшую рабочую силу, лишив его возможности обновлять свой инвентарь (заводы сельско-хозяйственного машиностроения, работавшие на оборону, уже в 1915 году

давали только половину нормального производства, а в 1916 — лишь одну пятую). Он рассказывал, как из-за недостатка рабочей силы сокращаются посевы, как приходится забрасывать землю, как его семья вынуждена пойти по миру. Если он сам был из Новгородской, например, губернии, то мог рассказать, что в Белоозерском уезде число беспосевных крестьян возрасло чуть ли не в 15 раз, и почти треть хозяйств осталась без рабочего скота, тогда как раньше таких было меньше пятой части.

Рабочий-солдат расказывал крестьянину не только о том, что жить в городе стало труднее, что жизнь сильно вздорожала, не только о том как правительство расправляется со всяким выражением недовольства рабочих, с попыткой устроить стачку и т. д.; рабочий рассказывал еще о том, кому нужна эта война, что дает она рабочему классу и крестьянству, в какую новую кабалу тянет их царское правительство.

Рабочий рассказывал в окопах крестьянину и о другом; о той революционной борьбе, которая ведется под руководством партии большевиков, загнанной в 1915 году в глубокое подполье, о политических организациях рабочего класса, о задачах, которые они себе ставят: свержение царского самодержавия, уничтожение власти помещиков и капиталистов, передача земли крестьянству, превращение войны империалистической в войну трудящихся против угнетателей.

В окопах заключили рабочий и крестьянин между собой крепкий неразрывный союз.

Сообща против царя, помещиков и капиталистов

Партия рабочего класса, партия большевиков давно написала на своем знамени: „земля крестьянству“. Программа партии требовала полного уничтожения помещичьего землевладения и организации крестьянских революционных комитетов, в которых бы сами крестьяне распорядились землей, полученной ими бесплатно без нового выкупа, без новой кабалы. Кадетам, которые стояли за принудительный выкуп земли у помещиков, Ленин говорил:

„Только политические младенцы могли бы обольщать себя звуком кадетского лозунга „принудительное отчуждение“. Вопрос в том, кто кого принудит: помещики крестьян (платить втридорога за песочки) или крестьяне помещиков“.

Это было во время революции 1905—1907 года. С тех пор обманутые надеждами на государственную думу, которую царь просто разгонял, как только она затевала разговор о земле, крестьяне, как мы видели, многому научились. Поэтому-то в феврале 1917 года они твердо знали уже, что добиться своего, победить они смогут, только *ведя борьбу в тесном союзе и под руководством рабочего класса.*

После того, как единым махом, благодаря об‘единенным усилиям рабочего класса и крестьянства, свергнуто было гнилое самодержавие, перед рабочими и крестьянами стали новые задачи. Партия большевиков выбросила лозунги:

„Землю—крестьянам“.

„Фабрики и заводы — трудящемуся народу“.

„Долой—войну“.

И крестьянство пошло с рабочим классом, приняло руководство партии большевиков, так как видело, что все другие партии только обманывают его, ничего не делая для удовлетворения его вековой нужды.

Крестьяне ждали от февральской революции *земли и воли*. Это значит, как об'яснял тов. Ленин, — отобрать у помещиков землю, разгородить ее, сделать ее достоянием всех работающих на ней. Это значит, с другой стороны, сломать угнетавший крестьян чиновничий государственный аппарат, полицейщину, надругавшуюся над крестьянством, и добиться сверху до низу избираемого истинно-народного, ответственного перед народом правительства.

Наконец крестьяне ждали мира.

Что же дала февральская революция? Что дало временное правительство, состоявшее на половину из министров-капиталистов и помещиков?

Прежде всего министры-капиталисты и их наемный шут Керенский заявили, что война должна продолжаться до победного конца, т.-е. до тех пор, пока не удастся русским капиталистам завладеть Константинополем и проливами, пока крестьяне Галиции не попадут в их лапы из лап австрийских помещиков и капиталистов. Но русский крестьянин хорошо знал, что ни ему самому, ни галицийскому крестьянину никакого добра от присоединения Галиции к России не будет, что только капиталистам выгодно проливать кровь рабочих и крестьян из-за Константинополя и проливов.

Что касается землицы, то временное правительство твердо решило не отдавать ее крестьянам, оттягивая решение этого вопроса, якобы, до учредительного собрания, а самый созыв учредительного собрания отодвигая все дальше и дальше.

Наученное горьким опытом, крестьянство не желало еще раз, как в 1905—7 г., попасться на удочку

разговоров и увещаний. Оно больше не верило этим разговорам и стало захватывать помещичьи земли. В августе и в сентябре 1917 года по всей России широкой волной разлились аграрные волнения, всюду крестьяне сами стали решать земельный вопрос. Буржуазные газеты вопили об аграрной анархии, кричали о том, что крестьяне похищают скот, делят землю, леса, забирают хлеб и т. д. С октября волны аграрного движения распространились по всей России, разгромы имений сделались почти повальными.

Вместо того, чтобы удовлетворить справедливые требования крестьян, уничтожить немедленно помещичье землевладение, временное правительство полностью и целиком встало на сторону помещиков и старалось всячески обуздать крестьян. Князь Львов (сам—богатый помещик) не раз писал о „полной безнадежности" крестьянской борьбы за землю, и временное правительство посылало циркуляр за циркуляром, телеграмму за телеграммой, предписывающие „принять решительные меры", к тому, чтобы „крестьяне немедленно возвратили землевладельцам захваченные покосы и инвентарь".

Больше того, временное правительство стало даже по примеру 1906 г. посылать карательные отряды против крестьянства. Все это привело лишь к тому, что между крестьянством и временным правительством (состоящим частью из эсеров, т. е. представителей якобы крестьянской партии) шла открытая борьба; остановить аграрное движение временное правительство было бессильно.

Министр земледелия Шингарев разослал телеграмму: „Самостоятельное решение земельного вопроса недопустимо без обще-государственного закона. Самоуправство приведет к государственной беде... Решение земельного вопроса по закону—дело учредительного собрания". Временное правительство

предлагало земледельцам-крестьянам приходить к добровольным соглашениям с землевладельцами-помещиками. Оно считало самоуправством, когда трудовой народ отбирал у грабителей награбленное ими, отнятое насильно у народа. Вождь партии рабочего класса думал не так. На первом Всероссийском Крестьянском С'езде в мае 1917 года т. Ленин говорил:

„По нашему мнению, если помещики задерживают в свою пользу земли или берут плату за них, вот это самоуправство, а если большинство крестьянства говорит, что помещичья земля не должна оставаться у помещика, что ничего от этих помещиков - землевладельцев, кроме угнетения в течение многих десятков лет, в течение веков крестьянство не видало, это не есть самоуправство, это есть восстановление прав, а с восстановлением права ждать нельзя“.

О „добровольном соглашении“ между помещиками и крестьянами Ленин говорил: какое межет быть добровольное соглашение между 30.000 помещиков, у которых 70 милл. десятин земли, с 10 милл. крестьянских семейств у которых ее лишь столько же. Какое может быть добровольное соглашение, когда на одного помещика приходится две тысячи десятин земли, а на одно крестьянское хозяйство всего 7 десятин. Это соглашение значит, что помещики может-быть уступят землю за арендную плату, но бесплатно никому не отдадут.

Справедливо-ли это? спрашивает Ленин. Нет, несправедливо. Выгодно ли это для крестьянского населения? Нет, не выгодно!

„Земля должна сейчас же бесплатно перейти к крестьянам. Помещичья собственность была и остается величайшей несправедливостью. Бесплатное владение крестьянами этой землей не есть самоуправство, а есть восстановление права“.

Все это Ленин говорил на первом Всероссийском с‘езде крестьян в то время, когда „крестьянская“ партия эсеров уговаривала крестьянство оставить землю в руках помещиков до учредительного собрания.

На этот же с‘езд крестьянские делегаты привезли 242 наказа, которые требовали безвозмездной отмены частной собственности на земли всех видов, вплоть до крестьянских, передачи государству или общинам земельных участков с высоко-культурными хозяйствами, конфискации всего живого и мертвого инвентаря отнятых земель с передачей его государству или общинам, наконец, недопущения наемного труда и уравнительного распределения земли между трудящимися с периодическими переделами.

Указывая на эти требования, Ленин говорил, что из них сразу видно, что даже та часть буржуазии, которая стремилась к свержению самодержавия, не может по самой сути дела совместно с крестьянством добиваться удовлетворения требований крестьянских наказов. Ведь земли-то большею частью заложены в банках за сотни миллионов руб., а банки—в руках буржуазии. Значит от конфискации земли у помещиков пострадает и буржуазия. Пойдет ли она, спрашивается, на это добровольно? Конечно, нет. Вот почему временное правительство оттягивало конфискацию земли, вот почему права была партия большевиков, что только рабочий класс может помочь крестьянам завладеть землей.

Нужно вырвать политическую власть из рук буржуазии—вот в чем суть, говорил Ленин.

„И тогда все существенное, основное, коренное в программе 242 наказов становится осуществимым....

Доверьтесь рабочим, товарищи крестьяне, рвите союз с капиталистами. Только в тесном союзе с рабочими вы сможете осуществить на деле программу 242 наказов“.

Крестьянство наглядно убедилось, что от болтунов эсеров, да от меньшевиков, сидящих во временном правительстве и помогающих буржуазии водить крестьянство за нос обещаниями передать вопрос о земле учредительному собранию, чтобы оттянуть время, пока утихомирится рабочее движение и можно будет зажать в железных клещах и рабочих и крестьян, что от такого правительства ждать добра нечего.

Вот почему крестьянин-солдат, попадавший на большевистское собрание, выслушивая как большевики обличают правительство в обмане народа, как они прямо ставят требования об удовлетворении крестьянства землей, этот крестьянин в шинели, до тех пор не имевший никакого понятия о партиях, говорил себе: да, я с этим согласен,—я большевик.

Крестьяне верно разобрались в обстановке, верно оценили, с кем им по-пути, и вместе с рабочим классом совершили величайшую в мире победоносную Октябрьскую революцию, которая на самом деле дала им землю, ради которой они проливали свою кровь в 1905—6 годах.

Оправдались ли рассчеты крестьянства на союз с рабочими.

Когда рабочий класс при помощи крестьянства сбросил власть буржуазии и ее наемников—соглашателей, перед ним стала задача выполнить те лозунги, под которым шли совместно против буржуазии рабочий с крестьянином.

Первым вопросом стоял выход из проклятой империалистической бойни. Рабочая власть понимала, что если она, пришедши к власти, не сумеет увести с поля драки миллионы томившихся солдат, если она не

избавит рабочих и крестьян от ненужного проливания крови, то трудящиеся, и в первую очередь крестьянство, будут смотреть и на Советскую власть, как на прежнюю, которая много обещала, но ничего не дала. Поэтому вопрос выхода из войны был важен не только в связи с тем, что народное хозяйство приходило в упадок, что силы страны были истощены и не выдерживали дальнейшего напряжения. *На этом вопросе испытывался союз рабочего класса с крестьянством.*

Но выйти из войны было не так-то легко. Наше правительство обратилось ко всем народам с предложением прекратить военные действия и приступить к переговорам о всеобщем мире. Бывшие царские „союзники“ — правительства капиталистов Англии, Франции и др. приняли раздавшийся голос рабочей власти за измену. Они считали, что мы должны продолжать воевать против немцев за их интересы, что наша „священная“ обязанность продолжать выполнять обязательства царского самодержавия, как их выполняло временное правительство. Они твердо надеялись, что сумеют заставить и Рабоче-Крестьянскую власть повести в бой миллионы трудящихся „до полной победы“.

Не лучше поняло наше предложение и императорское германское правительство. Они видели в нем не желание народа прекратить бойню, а только нашу слабость, считали нас побежденными. Понятно и германские капиталисты и их правительство с ненавистью смотрели на появление у власти рабочих и крестьян. Это казалось им крайне опасным фактом, который может разбудить вкус к власти и у их собственных трудящихся.

Но германская буржуазия откликнулась все же на наше предложение о мире, ибо она заинтересована была в освобождении большого восточного участка фронта, чтобы перебросить силы на западный фронт,

где ее дела были далеко не блестящи. Переговоры о мире в Брест-Литовске два раза прерывались и снова возобновлялись. Немецкие генералы, чувствуя себя хозяевами положения, ставили нам тяжелые условия. Тогда даже в коммунистической партии были разногласия: заключать ли мир на таких условиях или призвать трудящиеся массы к новой войне революционного народа против капиталистических хищников Германии.

Под твердым и умелым руководством своего вождя рабочая страна пошла на такой мир. Ленин говорил, что бессмысленно ставить под угрозу весь советский строй, раз есть возможность получить передышку, откупиться для того, чтобы собраться с силами, подправить свое хозяйство и стать на ноги. Крестьянство, говорил он, больше всего жаждет и ждет от нас мира. Интересы сохранения союза рабочего класса с крестьянством настойчиво требовали выхода из войны. Партия не ошиблась в своей оценке создавшегося положения. При тех условиях, когда империалистическая Германия была сильна и наседала на нас, нужно было пойти на мир. Но уже с самого начала мы смотрели на него, лишь как на передышку. Не прошло и 7 месяцев, как от навязанных нам условий не осталось камня на камне.

Вторым вопросом, стоявшим перед новой властью был вопрос о земле. И здесь коммунистическая партия показала крестьянству, как она умеет выполнять свои обещания. Сотни лет мечтало многострадальное крестьянство о земле, потоки крови пролило в стихийной неорганизованной борьбе за лучшую долю, и только при рабочей власти осуществились его вековые чаяния.

Программу эсеров на бумаге—провели большевики в жизнь на деле. Земля отбирается у помещиков, об'является общегосударственным достоя-

нием и передается в пользование трудящихся на ней. По 36 центральным губерниям России около 23 милл. дес. частновладельческих земель отошло в пользование крестьян, в связи с чем количество десятин на едока повысилось с 1,87 по 2,26 дес. В собственность рабоче-крестьянского государства отошли богатейшие леса, раньше принадлежавшие помещикам, барские усадьбы и т. д. Земля отбиралась без всякого выкупа у всех крупных собственников: помещиков, монастырей, церквей и др. Для фактической передачи ее крестьянству повсюду на местах были организованы Революционные - Крестьянские Комитеты. Этим фактом передачи земли трудовому крестьянству, партия рабочего класса тесно связала судьбу рабочей власти, судьбу Октябрьской Революции с многомиллионным крестьянством. Это был фундамент, на котором в последующие годы союз рабочих и крестьян продолжал расти в тех или других формах.

Октябрь освободил крестьянство еще из под одного ярма. Царская власть выплачивала ежегодно одних только процентов по долгам за границей 400 милл. рублей. А самые долги составляли сумму в 25 миллиардов, которые почти не погашались; значит платить проценты пришлось бы без конца. Само собой разумеется, эта уплата всей своей тяжестью ложилась на крестьянство. Советская власть с первых же своих шагов заявила, что по царским долгам она платить не будет, что, освободившийся из под гнета царского деспотизма, народ не намерен принимать на себя обязательства уплаты тех сумм, которые занимались по преимуществу на порабощение народа, на борьбу с революцией или на ведение империалистической войны.

Так, рабочий класс на деле показал крестьянству, как он умеет выполнять свои обязательства перед союзником, когда он становится у власти.

Военный союз рабочих и крестьян.

Можно ли было ожидать, что все эти мероприятия Советского правительства вызовут восторг и одобрение у буржуазных правительств запада, у остатков нашей собственной буржуазии? Бешеной ненавистью ответили правящие классы на эти шаги рабоче-крестьянской власти. Они ненавидели нас за то, что мы перестали воевать с ними против Германии, они проклинали нас за неплатеж процентов по царским долгам, они к ужасу своему увидели, что такие же рабочие и крестьяне, на шее которых они сами сидят и кормятся, сбросили в одной стране со своей спины паразитов и вздумали обойтись без буржуазии. Разжигателями злобы являлись наши российские помещики и капиталисты, едва унесшие ноги за границу с насиженных веками теплых мест, лишившиеся былого привольного житья. Всех их об'единяла жажда мести за нарушенный покой, все они понимали, что существование рабоче-крестьянской страны ставит под угрозу их дальнейшее благополучие. Вкупе с меньшевиками и эсерами стала иностранная и отечественная буржуазия готовить вооруженный поход на Советскую власть, организовывать восстание во всех частях России.

Наступила трудная и тяжелая полоса. Перед рабочим классом и крестьянством встает очередная задача—удержать завоевания революции, отбиться совместными усилиями от наседающего со всех сторон сильного и многочисленного врага. И в этот тягчайший для существования Советской страны период крепла и проверялась спайка рабочего класса с крестьянством. Было что защищать рабочему, знал и крестьянин, что несут ему белые армии.

Крестьянство наглядно видело, что вместе с приходом белогвардейцев всюду с ними возвращался назад

помещик, несший с собой кабалу и безземелье. Вот почему, не взирая на все тягости гражданской войны, несмотря на то, что целый ряд мероприятий, к которым вынуждена была прибегать Советская власть для организации обороны (продразверстка, мобилизация, национализация средней и мелкой промышленности), совсем был не по-душе крестьянству, — оно все же в гражданской войне было за революцию. Крестьянин имел возможность на своей собственной шее убедиться, что для него лучше: поставить ли вместе с рабочим классом на карту все, чтобы отбиться от власти капиталистов и начать строить себе новую жизнь, или же отдать все белым армиям и взамен не получить даже надежды на какое-либо улучшение своей участи в будущем. Совместная борьба в рядах Красной армии против помещиков, фабрикантов, меньшевиков, эсеров, десятки тысяч жизней лучших сынов народа, потоки их крови — послужили цементом еще более сильной спайки двух трудящихся классов: рабочих и крестьян.

Стойко и мужественно дрались они плечом к плечу, разутые, плохо вооруженные против прекрасно снаряженных наемных войск буржуазии. Слабые порознь, рабочие и крестьяне вместе оказались несокрушимой силой. И если поставить себе вопрос: как могли победить рабочие и крестьяне нищей, разоренной, доведенной до полного истощения страны, как могли они устоять против натиска самых сильных и могущественных буржуазных государств, то на это надо дать лишь один ответ: победы достались им лишь благодаря союзу, который они заключили между собой.

Что отдавали рабочие и крестьяне в этой борьбе?

Рабочий выделил на передовую линию красных фронтов лучшую самую сознательную часть своего класса. Своим беззаветным героизмом он су-

мел увлечь за собою и крестьянство. Коммунистическая партия передала к 1920 г. в Красную армию более 300.000 своих членов. Рабочий, грудью защищая свободу от сковавших железным кольцом Советскую страну врагов, истекал кровью на полях борьбы. Не легче приходилось и оставшейся части рабочего класса на фабриках и заводах. Сидя на голодном пайке, работая на холоде в цехе и замерзая дома из-за отсутствия дров, не имея никакой возможности прокормить голодающую семью, тратил он не щадя свои силы на выделку предметов обороны. Часть пролетариев не выдерживала этих чрезмерно тяжких условий, срывалась с заводов, на которых работала десятки лет, и бросалась в деревню, в надежде земледельческим трудом прокормить себя и семью. Рабочий класс распылял свои силы.

Пройдут годы, придет победа трудящихся во всем мире, отойдут в область преданий времена принуждения и эксплоатации, но навсегда в памяти грядущих поколений останется свежее воспоминание о нечеловеческом напряжении первых борцов, поднявших знамя восстания против капиталистического строя. Несказанно удивляться будут наши внуки, какую величайшую задачу перед всем человечеством вынес на своих плечах наш пролетариат, как умудрялся он находить в себе силы не только на выполнение трудных очередных обязанностей, но и на добровольные субботники, которые лишали всякого отдыха при напряженной до крайности работе.

Отдавало в этой борьбе все силы и крестьянство. Продразверстка оставляла жесткие нормы потребления в 8 п. на душу в год. Все остальное государство вынуждено было требовать от крестьянства на прокормление пятимиллионной армии, на голодный паек рабочему классу, выделывавшему средства борьбы. Если рабочий класс в процентном отноше-

нии и выделил в армию больше других классов (в 1920 г. рабочие составляли 15% Красной армии в то время, как в общем количестве населения рабочие составляют всего 5—6%: на 111 миллионов крестьянства, примерно, 8--10 милл. рабочих), то и крестьянство выдвинуло миллионы своих сынов на совместную борьбу против капитала. Отрывала живые соки от крестьянского хозяйства и мобилизация лошадей, военные постои, полоса фронтов, приносившая полное разрушение всего хозяйства.

В течение четырех лет длилась напряженная борьба. Враги ликовали, что они окружили нас со всех сторон железным кольцом, в котором продолжают нас сжимать до полного удушения. Но рассчеты их не оправдались. Кольцо вокруг шеи революции оказалось не железным, а пружинистым и, будучи сжато, оно с силой развернулось и раскидало своих противников. Невероятны были лишения, тяжки были жертвы, но, выдержав натиск, российские рабочие и крестьяне отбились от врага. В этой неравной борьбе мы вышли победителями. К 1922 г. мы сумели разбросать и уничтожить все контр-революционные армии на нашей советской земле, прогнать приезжавшие к нам войска иностранной буржуазии, отбиться от об'явившей нам войну Польши. Тесный союз серпа и молота совершил эту победу.

После войны.

С окончанием войны Советскому государству сразу же пришлось оглянуться на свое собственное состояние, подсчитать с какими потерями вышли мы из этой навязанной нам войны. Было ясно, что хотя мы и оказались победителями, но дела нашего народного хозяйства весьма плачевны.

С 1914—1917 г., не жалея народного достояния, хищно разоряло его в войне царское правительство, по его стопам пошло временное правительство, продолжавшее затеянную бойню, а когда рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки, на них насели кругом враги, которые заставили нас издержать все последние остатки сил народного хозяйства в борьбе за самосохранение. Пришли в упадок и сельское хозяйство и промышленность.

Из приводимых таблиц видно, что посевная площадь сократилась по сравнению с 1913 г. с 85 миллионов десятин до 57 миллионов в 1921 г. Резко упало и количество скота. Рабочего скота в 1916 г. было 25 милл., к 1922 г.—16 „; крупного рогатого скота в 1916 г.—50 м., 1922 г.—32 м., сельско-хозяйственный инвентарь пришел в ветхость. Сельское хозяйство переживало глубокий экономический кризис. На беду еще случился в 1921 г. недород, охвативший 30 губерний с населением в 28 миллионов человек. Когда в марте 1921 г. собрался X С'езд Коммунистической Партии вождь рабочих и крестьян Ильич говорил на нем об опасности в такой обстановке размычки крестьянства с пролетариатом. „Сумма событий", говорил он, „особенно на почве крайнего обострения нужды, вызванной войной, разорением, демобилизацией и неурожаем, сделала положение крестьянства особенно тяжелым, острым и неизбежно усилила колебание его от пролетариата к буржуазии".

В глубоком кризисе находилась и городская промышленность. Десятки фабрик и заводов оказались совершенно разрушенными, мосты взорванными, жел. дор. испорченными. Сырье гнило на одной окраине страны, топливо лежало в Донбассе, хлеб еще имелся в Сибири, а в центре стояли без движения фабрики и заводы и голодали рабочие. Железной руды, которой

добывалось в мирное время 560 м. п. в год—в 1920 г. было добыто всего 9$^1/_2$ милл., чугуна выплавлялось раньше до 200 м. п., в 1920 г.—лишь 6 милл. Производство предметов широкого потребления—мануфактуры, мыла, спичек в 1922 г. – составляло всего только 12% довоенного времени.

Истощенная войной промышленность не могла удовлетворить потребностей крестьянского рынка. Недовольство росло в крестьянстве, появлялось и в части рабочего класса, тесно связанного с крестьянством. Крестьянин не согласен был дальше на продолжение той политики, которая была вызвана и обусловлена периодом обороны. Если он шел на эти жертвы при гражданской войне, то с наступлением мирной полосы он требовал иных форм взаимоотношений с ним со стороны рабочего класса.

В ряде мест возникли крестьянские волнения. Их старались раздувать сохранившиеся еще остатки белогвардейцев, черносотенцы, а с ними и меньшевики и эсеры. Были кулацко-казачьи восстания в Сибири, „антоновщина“ в Тамбовской губ., наконец, восстание в Кронштадте. Развился бандитизм, борьба с которым была крайне затруднительна, ибо деревня скрывала в своих недрах тех бандитов—крестьян, которые днем крестьянствуют, ночью с припрятанной винтовкой выходят грабить поезда и прочее.

С другой стороны, крестьяне перестали вести свое хозяйство как следует быть. Раз все, кроме 8 п. в год на душу, приходится отдавать, раз взамен крестьянин получает городских товаров слишком мало—нет ему никакого интереса сеять и собирать больше тех 8 пуд., которые ему полагается на себя.

К моменту окончания гражданской войны становилось очевидно, что восстановить сельское хозяйство на основе экономической политики военного коммунизма невозможно.

Что говорил Ильич о военном коммунизме и о союзе рабочих с крестьянами.

Посмотрим теперь, как вождь пролетарской революции Владимир Ильич Ленин смотрел на те меры, которые мы теперь называем одним именем—военный коммунизм, как смотрел он на запрещение свободы торговли, на продразверстку и прочее. Оказывается, что он смотрел на эти меры, только как на *необходимость, вызванную ожесточенной гражданской войной: „нас к этому вынудили“,—говорил он.*

„Нам пришлось проделать войну с неприятелем, превышающим наши силы в 100 раз.... Они (наши противники) говорили:—„Ни на какие уступки не пойдем“,—Мы ответили:“—Если вы думаете, что мы на крайние коммунистические меры (продразверстка, закрытие торговли, национализация промышленности) не решимся, то ошибаетесь И мы решились, мы это сделали, и мы победили“.

На войне надо действовать по-военному. Понятно, что и хозяйничать в то время мы должны были тоже по-военному. Всякий знает, что военные способы ведения хозяйства далеко не всегда бывают хорошими, экономными, выгодными, однако, ничего не поделаешь—приходится их применять, несмотря на невыгодность и расточительность их: не экономические соображения, т.-е. не хозяйственная полезность, а военные условия, военная необходимость заставляет их применять.

„Сохранить остатки промышленности, иметь армию—вот задача, которую мы себе ставили, и нельзя было решить ее никак иначе, как разверсткой без вознаграждения, потому что бумажные деньги, конечно, не вознаграждение. Никакого другого выхода у нас не было“.

Ленин ясно видел, что все эти меры очень больно отражались на крестьянстве, что крестьянству было тяжело переносить их, но он видел и то, что крестьянство в своем подавляющем большинстве понимает, что это делается также и в его интересах: иначе победить помещиков и капиталистов нельзя.

„Мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих... Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелко-крестьянской стране мы не могли. И тот факт, что мы победили, показывает, на какие чудеса героизма способны рабочие и крестьяне в борьбе за свое освобождение“.

Итак, мы победили, следовательно, только благодаря тому тесному союзу, который рабочие и крестьяне заключили между собой, только благодаря тому, что рабочие и крестьяне готовы были на величайшие жертвы ради общей великой цели—победы над помещиками и капиталистами. Интерес рабочих и крестьян был здесь один и тот же. Этот общий интерес и закрепил союз между ними. Даже там, где крестьяне не сразу сознавали необходимость союза с рабочим классом, наши враги скоро научили их этому. Рассказав о Колчаке, о том что он принес в Сибири крестьянам, Ленин говорил:

„Крестьянину трудно разобраться, он ни историей социализма, ни историей революции не занимался, но он верит, и признает выводы, которые складываются на его собственной спине. Когда он увидел, что большевистские тяготы были тяготами для победы над эксплоататорами, и когда он увидел, что колчаковская власть принесла восстановление капитализма держиморд, он сказал сознательно: „я выбираю дикта-

туру рабочих масс и я пойду на то, чтобы побить до конца диктатуру буржуазии".

Так крестьянин сознательно выбирал союз с рабочим классом, чтобы общими усилиями уничтожить всякое угнетение.

Но вот немедленно с окончанием войны, Ленин сразу же ставит вопрос о том, что надо серьезно подумать о характере союза с крестьянством. „Разверстка в деревне,—говорит он,— мешала развитию крестьянского хозяйства, не давала ему подниматься. Она была необходимой в эпоху борьбы за свободу, но терпеть ее дольше нельзя, если мы хотим сохранить союз с крестьянством. До сих пор между рабочим классом и крестьянством союз был военный, союз крови. Теперь когда опасность миновала, когда крестьянину не угрожает уже возвращение помещика, теперь надо на другой основе установить с ним союз".

Теперь нам надо строить союз на хозяйственной (экономической) основе: „перемена формы и сущности союза рабочих и крестьян оказалась необходимой". Новые условия „требуют от нас научиться прежде всего той экономической связи, которая сейчас неизбежна и необходима. Эта связь есть торговля". Потому что каким образом, если не через торговлю, можно держать связь с двадцатью миллионами распыленных крестьянских хозяйств?

„Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью".

Крестьянин—мелкий производитель товара, он хочет и нуждается в том, чтобы продавать тот продукт своего хозяйства, который он производит. Ему нужен, для его хозяйства свободный товарооборот, он требует свободы торговли, „и мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на сво-

боду оборота“, иначе сохранить союз пролетариата с крестьянством нельзя.

Но одной только свободы продавать для крестьянина мало. Он продает для того, чтобы покупать продукты промышленности. Взамен за его товары надо снабдить его товарами промышленными. Для того, чтобы хозяйственный союз рабочих и крестьян был прочен, нужно:

„Чтобы пролетариат держал в своих руках крупную промышленность с ее продуктами и не только полностью удовлетворял крестьянство, но, давая ему средства к жизни, так бы облегчил его положение, чтобы разница по сравнению со строем капиталистическим была бы очевидна и ощутительна“.

„Мы не можем сейчас этого сделать, настолько придавила нас нужда, разорение, обнищание и отчаяние“.

„Мы не будем скрывать, что крестьянство имеет глубочайшее основание к недовольству“. Но—„мы сделаем все, что в наших силах, чтобы это положение уничтожить, чтобы больше считаться с условиями жизни мелкого хозяина. Все, что нужно, чтобы жизнь этого хозяина облегчить, чтобы больше дать мелкому земледельцу, чтобы дать условия для более прочного хозяйничания“.

Конечно, не только крестьянское хозяйство оказалось разрушенным империалистической и гражданской войной. Разрушенной оказалась и наша промышленность. И ее надо поднимать. Тяжело положение не только крестьянства, но, конечно, и рабочих. С чего же надо начинать?

На этот вопрос Ленин дает совершенно четкий и определенный ответ, который каждому рабочему и крестьянину надо твердо помнить. Вот он:

„Немедленные самые решительные, самые экстренные (спешные) меры для улучшения положения кре-

стьянства и под'ема его производительных сил стали неотложно необходимы".

Почему именно крестьянства?

„Начать надо с крестьянства... пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую больную задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только *через* это можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством: укрепления диктатуры пролетариата".

И ведь на самом деле: может ли развиваться промышленность, если крестьянство—нищее, если ему не на что покупать продуктов промышленности Только по мере под'ема крестьянского хозяйства „мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития крупной машинной индустрии", чтобы пересесть, наконец, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой", на „лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д".

Заметим хорошенько, что эти слова были чуть ли не последним заветом Ильича, перед смертью: он написал их в марте месяце 1923 г. Старайтесь,—говорил он этими словами,—поскорее облегчить бремя, лежащее на крестьянстве, и взять это бремя на свои плечи, на плечи мощной промышленности.

Итак, оглянемся еще раз на оставленные нашим учителем заветы.

Самый коренной, самый существенный вопрос, это—отношение рабочего класса к крестьянству, это—союз рабочего класса с крестьянством, это—уменье передовых рабо :их, прошедших долгую тяжелую, но

благодарную школу фабрики, уменье их поставить дело так, чтобы привлечь на свою сторону массу крестьян, задавленных капитализмом, задавленных помещиками, задавленных старым своим нищенским, убогим хозяйством, чтобы доказать им, что только в союзе с рабочими лежит избавление крестьянства от векового гнета помещиков и капиталистов.

Рабочий класс должен уметь найти ту форму союза, которая одна только может быть подходящей в каждый данный момент, в данных условиях. Военный союз должен смениться союзом хозяйственным. Новая экономическая политика и есть осуществление этого нового хозяйственного союза.

„Сущность новой экономической политики есть союз пролетариата и крестьянства, сущность—в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем".

Задача новой экономической политики заключается в том, чтобы приспособиться к крестьянской экономике, к крестьянским хозяйственным условиям, в том, чтобы: „сомкнуться, отступивши, с крестьянской массой и вместе с ней в сто раз медленнее, но зато твердо и неуклонно итти вперед ... Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем".

Вот тот путь, по которому повела нас твердая рука вождя рабочих и крестьян. Посмотрим теперь, как шли мы и как идем сейчас по этому пути, не сбились ли мы с него сейчас, когда вождь оставил нас одних. Посмотрим, как устанавливали мы союз рабочих и крестьян за время новой экономической политики и как укрепляем мы его в настоящее время.

На чем стоит рабоче-крестьянский союз при нэпе.

Когда мы теперь говорим о союзе рабочего класса с крестьянством, то перед нами мысленно встают совсем не те боевые картины, когда мы видели рабочего и крестьянина плечо к плечу борющимися на фронте за общее дело. Теперь перед нами встают другие картины. Мы думаем теперь о том, что промышленность, в которой заняты рабочие, нуждается в сырье, которое большею частью производится в сельском хозяйстве крестьянина. Хлопчато-бумажная промышленность нуждается в хлопке, полотняная—в льне, суконная—в шерсти, пеньковая—в конопле, кожевенная—в разных кожах, мыловаренная - в жире, роговая—в рогах и т. д. и т. под. Все это продукты сельского хозяйства. Кроме того, все рабочие, занятые в промышленности, нуждаются в продуктах питания, которые опять-таки производятся в сельском хозяйстве. Ряд отраслей промышленности не может у нас до сих пор подняться до довоенного уровня, главным образом, из-за недостатка сырья. Понятно, что рабочему классу важно, чтобы сельско-хозяйственное производство поскорее расширилось и дало недостающее сырье. Развитие сельско-хозяйственного производства важно для рабочего и потому, что иначе цены на продукты питания будут так высоки, что никакая заработная плата не позволит рабочему избегнуть голодного существования. Население у нас выросло ($1^1/_2$ миллиона в год прибавляется), а хлеба, мяса, масла, молока и всего прочего много меньше, чем раньше. Если не увеличится производство сельско-хозяйственных продуктов, продуктов питания в частности, то рабочему не миновать голодовки.

Наконец, рабочий производит ведь фабрикаты для того, чтобы кто-нибудь их покупал, а главным поку-

пателем у нас может быть только крестьянин, ибо крестьян у нас свыше 100 миллионов человек. Если крестьянство не покупает продуктов промышленности, то приходится сокращать производство их, закрывать фабрики, рассчитывать рабочих. Крестьянин же не покупает фабрикатов в том случае, если ему не на что покупать, т.-е. если у него разрушено его хозяйство, если оно ему ничего не дает, или же если продукты промышленности слишком дороги для него.

Вот мы и видим, что условия жизни и благополучия рабочего класса во многом зависят от условий жизни и от хозяйства крестьянина. Но не в меньшей степени жизнь и хозяйство крестьянина зависит от развития промышленности и от положения рабочего класса. Крестьянин сильно почувствовал это в годы разрухи, в годы военного коммунизма, когда все его хозяйство пришло в упадок и не могло быть восстановлено, так как нельзя было достать ничего из тех фабрикатов, которые необходимы были крестьянину для поправки, ремонта или возобновления его мертвого инвентаря. Долгое время обходился он домашними средствами: где надо было скобкой скрепить, он стягивал веревкой и т. п. Но, наконец, веревка перестала помогать, все пришло в ветхость, все требует обновления. Без этого больше шагу ступить нельзя.

В личном своем потреблении крестьянину также пришлось отказывать себе во всем. Во многих местах керосиновую лампу заменила лучина, бумажную ткань —самотканная холстина, (стали делать даже домотканное сукно для армяков), пестрядь, набойка. Потом начали выжигать гончарные изделия—горшки, чашки, плошки и пр. А для изготовления ручным домашним способом какой-нибудь мелочи, потребной в хозяйстве, нужно затратить громадное количество труда и времени.

Помимо этого, есть такие, необходимые для крестьянина предметы, которых он, во всяком случае, сделать сам не может, которые сделать ему может только промышленный рабочий. В двадцатом году вместо сошника во многих местах появились на сохах лишь узенькие железные ободочки, а то и вовсе деревянной корягой стали пахать, то-есть, сохой без всякого железа.

Почему?

Да потому, что железа сам крестьянин не добудет.

Стали еще без шин ездить, ясно, что это уже никуда не годится.

А как обойтись без шкворня, без лемеха, без гвоздей, без иголок, без подков?

Чем заменить разбитое стекло в окошке?

Что детям дать вместо бумаги и карандаша, когда придет пора учиться?

А что выдумать вместо соли, если чай заменить морковкой, а сахар—патокой или сушеными грушами?

Тут поневоле вспомнишь слова Владимира Ильича, о том, что для заключения союза с крестьянством надо снабдить его необходимыми ему товарами.

Но крестьянину не просто получить товар надо: ему надо получить дешевый товар. А дешевым фабричный товар может быть только, если промышленность сильно развита, если она хорошими машинами оборудована, если рабочие дают хорошую производительность труда. Без этого товар непременно будет дорогой и крестьянину недоступный.

На этом надо остановиться поподробнее, а для того, чтобы разобраться в этом вопросе хорошенько, припомним, что у нас было в октябре 1923 года, что это такое за „ножницы“, отчего они произошли, как они отразились на нашем хозяйстве: на промышлен-

ности, с одной стороны, и на сельском хозяйстве крестьянина—с другой, какой вред принесли они рабочему и крестьянину, и как мы с ними боролись.

О „ножницах“, которые грозили разрезать рабоче-крестьянскую смычку

Мы только что прочли о том, что Ленин говорил о необходимости добиться смычки между рабочим классом и крестьянством. Ну а „ножницы“—это есть размычка между рабочим и крестьянином. Ножницы угрожали перерезать союз рабочего класса с крестьянством. „Ножницы“ означают, что цены на продукты промышленности пошли сильно вверх (верхнее лезвие поднялось), а цены на продукты сельского хозяйства столь же сильно пошли вниз (нижнее лезвие опустилось). Получился широкий раствор ножниц, широко раскрылась их пасть. Статистики подсчитали, что получал крестьянин за пуд хлеба до войны и при „ножницах“ и как ликвидируются „ножницы“.

1 п. хлеба давал:	1913 г.	1923 г.	1924 г.
Ситца	5,4 арш.	1,4 арш.	2,5 арш.
Соли.	94 фунт.	16 фунт.	32 фунт.
Керосина.	15 фунт.	10 фунт.	18,8 фунт.
Спичек	75 короб.	32 короб.	52 короб.
Сахар	6,3 фунт.	1,8 фунт.	3,2 фунт.

НОЖНИЦЫ *)

*) По докладу Ф. Э. Дзержинского III С'езду Советов.

что если за известный набор крестьянских промышленных товаров (керосин, мыло, спички, сахар, соль и пр.) в 1913 году крестьянин должен был отдать 10 пудов хлеба, то в 1922 году за те же товары он должен был отдать уже 27 пудов, а в октябре 1923 года—целых 30 пудов, т. е. в три раза больше. Из таблички на стр. 36 видно, как за пуд ржи раньше крестьянин получал 5 с половиной аршин ситцу, а в 1923 году лишь полтора, соли вместо 94 фунтов— всего 16, спичек 32 коробки вместо 75, гвоздей 3 фун. вместо 4½, сахару—1¾ вместо 6 с половиной и т. д.

Приятно ли это крестьянину, пусть судит каждый читатель сам. Всякому ясно, что не приходится говорить о союзе пролетариата с крестьянством, о смычке, когда государственная промышленность так дорого требовала с крестьянина за свои товары.

Чтобы разобраться в причинах такого плохого положения, надо помнить, что, как мы видели, раствор идет в обе стороны: и вверх и вниз, т. е. не только сельско-хозяйственные продукты *понизились* в цене, но также и промышленные *поднялись*. Значит, причина ножниц не одна, а по меньшей мере две: одна группа причин—что-то произошло в сельском хозяйстве, другая группа—что-то произошло в промышленности.

В сельском хозяйстве произошло, примерно, вот что. В 1923 году урожаю собрали мы по всему Союзу приблизительно три миллиарда пудов. На посев из них пошло 500 милл. пудов, на питание крестьянского населения (считая по 12 пуд. на едока) полтора миллиарда. Остается еще один миллиард. Из него около 300 миллионов пошло на корм скоту (считая по 3 пуда на голову), да на города (считая и Красную армию, и рабочих, и служащих) надо 250 милл. Остается еще 450 милл. пудов. Положим даже, что мы еще что-

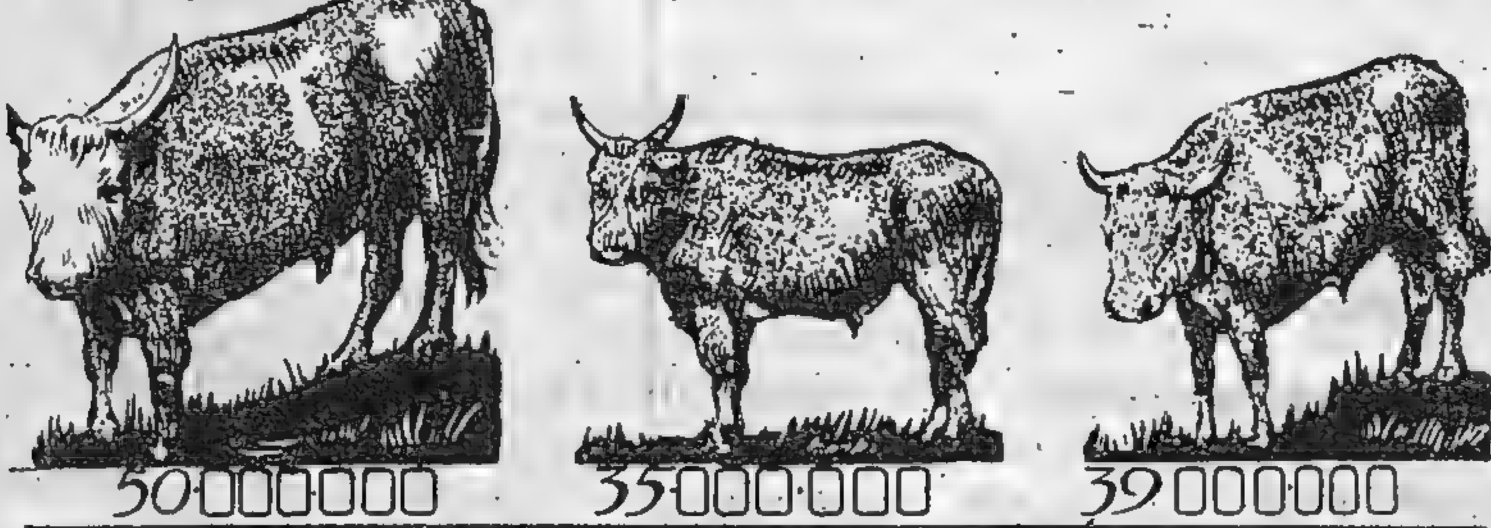
· 1916 · 1922 · 1924 ·

ЛОШАДЕЙ

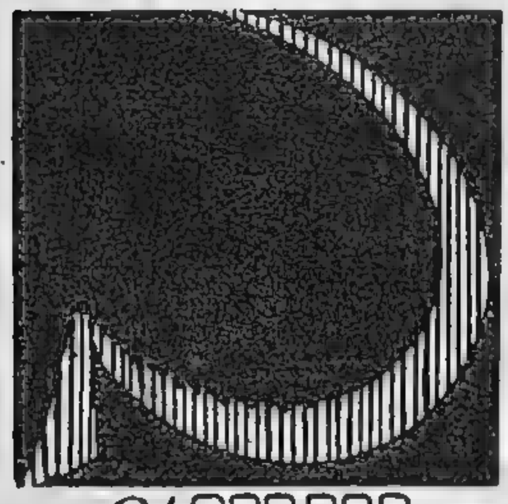
25·000·000 16·500·000 18·600·000

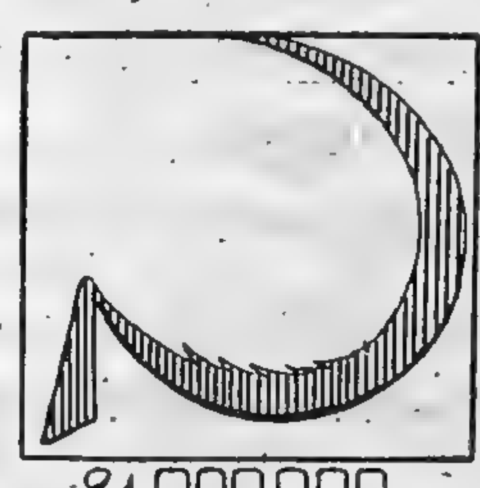
КРУПНОГО · РОГАТОГО · СКОТА ·

50·000·000 35·000·000 39·000·000

ПОСЕВНАЯ ПЛОЩАДЬ

91·000·000 57·000·000 81·000·000

нибудь не присчитали. Так или иначе, во всяком случае, известный излишек остается.

Куда он денется?

Нуждаясь в деньгах для покупки продуктов промышленности, крестьянин везет этот хлеб на рынок, а там и без него много навезено. Туда-сюда, продать некуда, он цену сбавляет, да сбавляет. А за ним и другие принуждены продавать по той же низкой цене.

Вот почему хлеб продавался за бесценок. На 1-ое сентября 1923 года цены на хлеб в золотых копейках были следующие:

ГУБЕРНИЯ.	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овес.
Волынская	44	78	34	34
Донецкая	30	56	38	25
Екатеринославская	21	47	26	18
Киевская	32	62	39	28
Одесская	19	37	26	17
Подольская	33	54	40	32
Полтавская	26	53	27	23
Харьковская	27	59	40	25
Черниговская	37	63	33	34
Средняя Украина	30	56	33	26

Вот что произошло в сельском хозяйстве. Посмотрим теперь, что же произошло в промышлен-

ности и торговле, почему за продукты промышленности приходилось крестьянину платить высокие цены.

Тут, во-первых, дело было как-раз наоборот в отношении количества товара. Разрушенная гораздо сильнее, чем сельское хозяйство, промышленность могла произвести лишь очень незначительное количество товаров, переполниться ими рынок никак уже не мог. Наоборот, всюду чувствовался сильнейший голод на промышленные товары, а это давало возможность продавать их по самой высокой цене.

Но почему же все-таки цена была высокая? Почему, вернее сказать, дорого стоил фабрикат?

Цена фабриката слагается из фабричной себестоимости, т.-е. из той суммы, в которую обходится товар самому производителю (наприм., какой-нибудь фабрике), к ней прибавляется накидка, которую делает производитель (обычно—трест) и, наконец, накидка, которую делают торговые посредники.

Себестоимость (фабричная) возрасла у нас, потому что вздорожало сырье (например, хлопок для хлопчато-бумажной промышленности с 17 руб. за пуд до 24 руб.) и топливо (больше чем в два раза), и сильно возрасли накладные расходы, особенно расходы на ремонт, (старое, сношенное оборудование требует больше расходов на ремонт, чем новое), и отчисления на восстановление сношенных машин (десять лет ведь с 1914 года не ставили новых машин, надо их заменять новыми).

Сюда же входят начисления на заработную плату, которые идут на социальное страхование рабочих, занятых в производстве. В прежнее время это был грошовый расход, т. к. почти никакого страхования и не было, а теперь это расход весьма заметный. Сама заработная плата была в 1923 году значительно ниже довоенной, но на цену продукта она ложилась тяжелее, чем в 1913 году. Это потому, что производи-

тельность труда сильно понизилась: рабочий получал меньше, но и вырабатывал он еще того меньше. При производстве пуда пряжи, напр., раньше заработной платы уплачивалось 1 р. 60 к., а в 1923 г.—1 р. 88 к., а между тем в 1920 году рабочий зарабатывал гораздо меньше, чем в 1913 г. Ясно, что *это могло происходить только от падения производительности труда.* Понятное дело, что падение производительности труда зависело не только от того, с каким напряжением, как интенсивно работал рабочий. На производительность труда влияет состояние оборудования, исправность и степень изношенности машин и станков, качество сырья, наконец, степень нагрузки предприятия.

Благодаря целому ряду причин росла и росла себестоимость товара на фабрике.

Вторая составная часть цены товара, как мы видели,—накидка треста. Чем она вызывается? Фабрика сама только вырабатывает продукт, но торговать им ей не следует. Директор завода может хорошо управлять предприятием, но не всегда он будет одновременно хорошим торговцем. Потом, для торговли надо иметь штат, магазины, отделения в др. городах—все это не относится к деятельности завода, занятого выделкой продукта. Точно также и сырье, в котором нуждается фабрика, закупать сама она не может.

Это производит трест. Он снабжает завод нужными материалами, продает продукцию завода. Доставка товара до места продажи, зачастую на большое расстояние, содержание торгового аппарата, лавок— все это вызывает известные расходы. Поэтому трест продавать товар по фабричной цене не может, а должен делать накидку на покрытие торговых расходов. Но есть у трестов и другая задача. Развивать, расширять свои фабрики, обновлять на них машины, доводить до полной нагрузки.

Стремясь возможно скорее восстановить производство, тресты думали, что лучше всего достигнут они этого, если будут получать высокую прибыль. Рассчитывая, что крестьянин, продав хлеб, все равно станет покупать их товары по любой цене, они в большинстве случаев делали слишком высокие накидки и, наконец, обожглись на этом, т. к. остались с непроданными товарами.

Наконец, товар пошел в торговлю. Тут перед ним новая опасность. Переходя из рук в руки, от одного торгового посредника к другому, он обрастает разными накидками так, как обрастает снежный ком, катящийся с горы. К крестьянину этот ком подкатывается уже столь выросшим, что голыми руками его не возьмешь. Посмотрит крестьянин товар, прицепится, почешет затылок, да и прочь пойдет, потому что не подступишься.

В Кубанской станице, например, ситец продавался осенью 1923 г. с надбавкой в 130% на его фабричную стоимость (то-есть, значит, вместо рубля надо было платить 2 р. 30 к.).

А почему?

Потому что путь у него был не короткий, слишком много пересадок: с фабрики в трест, из треста в Центросоюз, затем в Ростовскую контору Центросоюза, оттуда в Губсоюз, из Губсоюза в Потребительское Общество, и, наконец-то, из Общества— к потребителю.

А вот путешествие, которое проделывали спички.

Выпустили с фабрики, скажем, на сто рублей спичек. Побывав в тресте и затем в спичечном синдикате, они из синдиката выходили уже стоимостью в 196 руб. Из Центросоюза выходят они за 207 руб. в Ростовскую контору, оттуда за 215 руб.—в Донобсоюз. Донобсоюз сразу поднимает цену до 313 руб.,

продавая, скажем, Миллеровскому отделению. Миллерово охулки на руку не положит и за 407 рублей отдает их Чертковскому пункту, оттуда спички пускают, наконец, в потребительское общество, которое продает их донскому казаку или крестьянину по такой цене, чтобы выручить 527 руб.

Итак, к потребителю товар добирался, вздорожав в пять с четвертью раз.

Ну, кажется, тут уж пояснять больше нечего!

Вот эту то размычку и надо было во что бы то ни стало уничтожить, раз мы хотели сохранить союз рабочего класса с крестьянством. И, надо сказать, что мы ее, если не совсем, то почти совсем все-таки уничтожили.

Каким образом?

Во-первых, чтобы поднять цены на крестьянские продукты, главное—на хлеб, стали вывозить его за границу. Лишний хлеб, значит, сразу сплыл с рынка, перестал сбивать цену.

Когда в 1924 году такая же история началась с мясом, особенно со свининой, которая появилась у нас в большом количестве, сейчас же были приняты меры к закупке и вывозу мяса и свинины. Пожалуй запоздали немного с этим, но трудно было ожидать, что так быстро пойдет в гору наше крестьянское животноводство.

Цены на хлеб, а теперь и цены на мясо тотчас же сильно поднялись и крестьянин почувствовал уже облегчение от этого.

Но партия учла, что надо взяться и с другого конца: надо понизить цены на продукты промышленности. И не только для того, чтобы облегчить положение крестьянина, но и для того, чтобы промышленность не задохнулась в непроданных ею товарах.

Чем дешевле товар, тем больше охотников купить его, тем больше его можно, значит, произвести, тем

больше можно открыть фабрик, тем больше—занять рабочих. А если дорого торговать,—значит, надо свертывать производство.

И вот наши тресты стали проводить понижение за понижением. Пришлось трестам подтянуться, пришлось довольствоваться меньшею прибылью, пришлось сократить накладные расходы, пришлось в струнку вытянуться. И вытянулись! Сначала тяжело было, а потом, наоборот,—еще лучше стало, как товары все быстро разошлись, да потребовалось развертывать производство.

Тут рабочие и крестьяне ясно увидели, как надо настоящую смычку проводить, увидели, что низкие цены выгодны не только для крестьянина, но и для рабочего и для самой промышленности.

Опять, значит, сошлись интересы рабочих и крестьянства.

Затем, взялись за торговлю, за кооперацию. Ленин говорил, что торговля—единственный способ связи промышленности с миллионами распыленных крестьянских хозяйств, а у нас из-за торговли вместо смычки размычка выходила.

Пришлось в этой области все переделать, цепь посредников уменьшить, кооперацию подтянуть, допустить более свободные условия для частного купца, чтобы и он продвигал товары в деревню. Отняли у торговых органов право делать любые накидки на товары. Эти меры сразу изменили положение и оздоровили торговлю. Но надо признаться, что даже сейчас еще розничные цены сильно отличаются от оптовых и в этом деле надо еще поработать, чтобы крестьянину не приходилось переплачивать. Народный Комиссариат Внутренней Торговли за этим наблюдает, устанавливая предельные накидки, устанавливая на некоторые товары этикетные цены и проч.

Если товар стоит дорого потому, что его слишком мало вырабатывается у нас, то никакими приказами цену его не снизить; все равно разведется спекуляция, как было у нас с сахаром, когда сахару не хватало. Перед нашей промышленностью стоит задача всемерного развертывания наших заводов. Пришло уже время подумать о постройке новых фабрик. Первые шаги в этом направлении уже сделаны, заложены несколько строительств, главным образом, текстильных. Но до значительного увеличения количества производимых продуктов нашими фабриками остается только один способ борьбы с высокими ценами: ввезти товар изза границы. Так именно и поступало государство с сахаром, так поступит и с другими товарами, с мануфактурой, которых не смогут достаточно выработать наши фабрики.

Все эти меры снизили цены настолько, что теперь крестьянину уже не так тяжело расплачиваться за товары, тем более, что к весне этого (1925) года цены на его собственные продукты сильно выросли. Весной ножницы у нас не только сдвинулись целиком, но даже начали немного раздвигаться в обратную сторону.

Какую громадную пользу принесло нашему народному хозяйству смыкание „ножниц“ видно всякому. Именно с этого начался наш действительный под‘ем. Именно, благодаря этому, мы так быстро стали шагать в развитии промышленности, что уже через год, через два перешагнем довоенное производство. Правильный расчет оказался не в том, чтобы дороже брать за товары, чтобы больше прибыли схватить, а в том, чтобы как можно дешевле продавать. Это оказалось одинаково выгодно как для рабочего, так и для крестьянина.

Производительность труда и рабоче-крестьянский союз.

Все ли мы сделали для снижения цен?

Нет, еще, пожалуй, не все. Мы видели, что одной из причин высоких цен была низкая производительность труда рабочего, получающего низкую заработную плату. Если заработную плату повысить, не повышая одновременно производительности труда, то обязательно вырастут цены на продукты промышленности. Это будет плохо не только крестьянину, который должен будет дороже платить за то, что он покупает, но и рабочему. Не говоря уже о том, что и рабочему ведь приходится покупать продукты промышленности, самое тяжелое для рабочих последствие этого будет заключаться, как мы видели, в сокращении производства и росте безработицы и, следовательно, в новом вздорожании продуктов.

Наоборот, если повышается производительность труда, то повышение заработной платы может итти одновременно с понижением даже цен. Этого то и надо добиваться, так как это выгодно и рабочим и крестьянам.

Еще и еще раз мы видим, что интересы рабочего класса и крестьянства очень хорошо между собой согласуются, видим, как прав был Ильич, когда утверждал, что между интересами рабочих и крестьян больше общего, чем различного.

Теперь, когда накладные расходы снижены, когда торговая прибыль и прибыль трестов сильно сбавлены, теперь понижение цен может быть достигнуто только повышением производительности труда. И, действительно, за последний год рабочие очень много сделали для этого. Производительность труда по всем отраслям промышленности поднялась прежде всего за счет увеличения, как говорят, интенсивности труда рабо-

чего, то-есть напряженности и быстроты его работы, за счет уплотнения рабочего дня. Теперь надо думать особенно о том, чтобы *увеличить производительность труда путем улучшения техники, обновления машин, введения лучшего оборудования и т. д.*

Это даст возможность еще более понизить цены, крестьяне станут еще более покупать товаров, промышленность можно будет развернуть еще больше, число безработных уменьшится.

Заметим, кстати, что если весной 1925 года „ножницы" окончательно сомкнулись, то-есть за 10 пудов своего хлеба крестьянин стал получать столько же продуктов промышленности, сколько он получал до войны, то надо иметь в виду, что это произошло потому, что цены на хлеб поднялись весной слишком высоко. Теперь, когда выяснилось, что урожай будет хороший, есть опасность, как бы снова не обесценился крестьянский хлеб и вообще продукты сельского хозяйства. Рабоче-крестьянское правительство должно будет в интересах крестьянства во время позаботиться о закупке их для вывоза за границу.

Денежная реформа.

Кроме высоких цен на продукты промышленности была и еще одна опасность размычки, одинаково, впрочем, тяжело отражавшаяся как на крестьянах, так и на рабочих. Это—падающий курс бумажных денег. Каждый на себе испытал, как больно било это падение курса всякого трудящегося. Положил сегодня в карман получку, проносил ее день в кармане, а на завтра у тебя часть получки уже растаяла. Продал крестьянин сегодня пуд хлеба, продержал деньги два дня в кармане, глядь, а на эти же деньги можно купить всего полпуда того же хлеба.

Крестьянам особенно тяжело приходилось, потому что они далеко от города, базар не каждый день, сегодня продашь, а покупать надо через неделю. С другой стороны, в городе еще можно было как-нибудь сохранить свои денежки от падения их ценности (в сберегательную кассу по золотому курсу положить, или червонец купить), а в деревне таких способов не было, так как червонец слишком крупная монета и мало доходил до деревни.

Торговцы, боясь как бы им не прогореть на падающих совзнаках, делали добавочную накидку на товар: пусть, мол, потребитель, крестьянин или рабочий страдает от совзнака, а я не хочу.

Если подсчитать, сколько крестьянство на падающем совзнаке потеряло, то окажется: не меньше 200—300 миллионов рублей золотом. Понятно, что не только поднять хозяйство, но и вообще продержаться в таких условиях ему было трудно.

Вот почему рабоче-крестьянская власть так поспешно и так горячо взялась за денежную реформу и, как известно, ввела твердые деньги.

Задача эта была нелегкая. Для ее проведения надо было, чтобы государство прекратило чрезмерный выпуск бумажных денег для покрытия своих расходов, надо было, значит, чтобы доходы государства возрасли, а расходы уменьшились. Пришлось особенно сильно нажать на расходы, пришлось урезать везде, где только было возможно, навести, как говорил Ильич, величайшую во всем экономию. Пришлось изыскать и дополнительные доходы.

Особенно помогли проведению реформы внутренние займы и, надо сказать, больше всего для их успеха сделали рабочие, сознававшие, что надо потерпеть лишь бы добиться успеха. Рабочие разобрали большую часть выигрышного золотого займа, беря его из рас-

чета по 5 руб. облигация, в то время как на вольном рынке они расценивались дешевле.

Снова и снова показали рабочие, что они готовы на большие жертвы для того, чтобы облегчить положение крестьянина и дать ему возможность поправить свое хозяйство.

«Лицом к деревне»

(Под'ем сельского хозяйства).

В результате ряда мероприятий и приложенных усилий упадок нашего хозяйства остановился и оно стало медленно возрастать как по промышленности, так и по сельскому хозяйству. Когда мы теперь подводим итог нашей новой экономической политике, мы ясно видим, что шли и идем по верному пути, который ведет нас к усилению мощи рабоче-крестьянского государства.

Далеко ушли от тех жалких размеров, которые имели в 1921/22 г., наша промышленность городская и сельская. Шаг за шагом подходим мы к довоенным размерам. Уже воочию видно, что еще год усилий и мы по всем отраслям дойдем до этой довоенной черты. И на ней вовсе не успокоится развитие нашего хозяйства. И в довоенное время рабочий и крестьянин вовсе не имел нужного удовлетворения своих потребностей. Нас рамки довоенного не могут удовлетворить, рабочему и крестьянину, проделавшим революцию, нужна лучшая жизнь, чем он „имел“ в довоенное время.

Для того, чтобы стало ясно, какие важнейшие задачи стоят перед Советской властью сейчас, что лежит в данное время в основе крепости союза рабочего класса с крестьянством, что означает лозунг „лицом к деревне“—для этого нужно присмотреться

поближе, как растет наша промышленность и как сельское хозяйство, в каком состоянии находится наша деревня, какие у нее нужды и чего она ждет от пролетарской власти.

Мы видели выше, что в результате введения новой экономической политики стала бурно подыматься и расти наша государственная промышленность. Стоимость всех товаров, изготовленных промышленностью, выражалась:

В 1913 г.—в 5.300.000.000 р.
„ 1923 г.—в 2.650.000.000 р.
„ 1924 г.—в 3.500.000.000 р.

Значит, промышленность дошла уже до 60—65% довоенного. За один только прошлый год она выросла на 45%.

Несколько другую картину имеем мы по сельскому хозяйству. Стоимость с.-х. продуктов равнялась:

В 1913 г.—8.900.000.000 р.
„ 1923 г.—6.126.000.000 р.
„ 1924 г.—6.229.000.000 р.

Значит, и сельско-хозяйственная продукция дошла уже до 70% довоенного, но рост сельского хозяйства с 23 г. к 24 г. идет крайне медленно—всего на 2% за год.

А между тем все наше народное хозяйство в целом может расти только тогда, если одновременно будут подниматься и сельское хозяйство и промышленность. Ведь, если промышленность идет далеко вперед от под‘ема сельского хозяйства, то вскоре же получится перебой и в самой промышленности, потому что увеличившееся число выделанных товаров не найдет себе сбыта. Крестьянство в нашей стране, составляющее свыше ста миллионов населения, представляет

основного потребителя продуктов нашей промышленности. Поэтому и состояние промышленности будет зависеть от того, в каком положении будет крестьянское хозяйство, способно ли оно будет покупать продукты городской промышленности.

Мы видим, как интересы дальнейшего развития диктуют нам необходимость всемерного под'ема крестьянского хозяйства.

До сих пор дело обстоит так, что промышленность едва поспевает, а по ряду товару и не поспевает удовлетворить спрос со стороны крестьянства. На первый взгляд это кажется не ясно. Как так: промышленность выросла на 45% за год, а сельское хозяйство на 2%. Откуда же у крестьянства возможность покупать то, что производит промышленность. А дело в том, что у нас и сельское хозяйство и промышленность дошли пока почти до одного уровня от довоенного, примерно 60—70%. Играло большую роль в увеличении рынка сбыта и понижение цен.

Но если и дальше промышленность будет расти семимильными шагами, а сельское хозяйство ползти черепахой, то равновесие нарушится и в развитии всего народного хозяйства произойдет заминка.

Значит, со стороны под'ема и усиления мощи всего хозяйства нашей республики мы сами кровным образом заинтересованы в том, чтобы поднималось и росло крестьянское хозяйство. Нам нужно крепкое советское крестьянство, прочно стоящее на ногах, потому что от этого крепко держаться на ногах будет и вся рабоче-крестьянская республика. Всякий знает, что наша власть, что коммунистическая партия за бедняков, но это вовсе не значит, что нам нужно, чтоб всегда были бедняки, а мы за них будем ратовать. Нет, нам нужно, чтобы вместо бедняков, вместо слабосильных, маломощных хозяйств у нас вырос крепкий

крестьянин, который, подняв свое хозяйство, и налог легко уплатит, и сам не будет в нужде.

Та нужда, в которой бьется сейчас крестьянское хозяйство, должна быть изжита. Крестьянин не для того боролся за победу революции, чтобы влачить попрежнему нищенское существование. Он будет крепко стоять за союз с рабочим классом только в том случае, если увидит что положение улучшается, что Советская власть, руководимая партией рабочего класса, хочет и умеет доставить ему жизненные условия во всех отношениях лучшие, чем раньше. Без этого нечего говорить ни о смычке ни о союзе.

С какой бы мы стороны таким образом ни подошли, мы все будем упираться в тот же вопрос. Для Советского государства нужно, чтобы быстрее шел рост нашего сельского хозяйства, чтобы под'ем его не отставал от под'ема промышленности.

Как же этого добиться, какие меры нужно предпринять нашей власти, чтобы ускорить этот рост и осуществить на деле выдвинутый лозунг „лицом к деревне"?

Что нужно для под'ема сельского хозяйства.

Чтоб ответить на это, посмотрим сначала, какое положении мы имеем в нашей деревне.

Есть ли у нас в деревне нехватка в рабочей силе? Нет, дело обстоит наоборот. У нас налицо большое количество ничем незанятых людей в деревне, у нас, как говорят, перенаселение. Ежегодно у нас умирает до 3.000.000 человек. Но рождается каждый год 4.500.000.000. Значит, прирост населения в год—полтора миллиона. Такой громадный прирост наша подымающаяся промышленность поглотить в себя не может. Деревенская подрастающая молодежь, которую старики очень хотели бы

обучить ремеслу, остается без дела, „собак гоняет", как говорят в деревне.

Безработица в деревне у нас не только от большего прироста населения, но и от того, что маломощные, слабосильные крестьянские хозяйства, не имея скота, инвентаря, семян, не могут никак поднять свое хозяйство и выбиться из цепкой нужды. Сократились и отхожие и кустарные промысла, которые служили подспорьем в крестьянском хозяйстве. На одних отхожих промыслах крестьянство в довоенное время зарабатывало 2 миллиарда рублей, а в 1924 г. только 400 миллионов.

Безработица—это первый вопрос, с которым мы сталкиваемся в деревне и который надо разрешать. Ведь наличие в деревне ничем незанятого населения ложится на нее тяжелым грузом и тормозит под'ем сельского хозяйства.

Основная беда в том, что нет в нашем сельском хозяйстве столько средств, чтобы оно в состоянии было подняться, покрыть свои неотложные нужды в скоте, инвентаре, семенах. Поэтому наша задача в деревне—дать действительную возможность крестьянскому хозяйству окрепнуть. Нужны, значит, такие меры, которые откроют для крестьянства возможность подправить свой скот, инвентарь, избу.

Нужно признать, что тяготы, которые лежали на крестьянстве за последние годы, были немалые. Государство наше имело ряд необходимых расходов, а доходов пока брать было почти неоткуда, поэтому приходилось перекладывать много и на крестьянство. Теперь наше положение улучшилось. Казна наша побогаче, чем года два назад, ряд других отраслей народного хозяйства (промышленность, торговля) дают государству доход. Поэтому сейчас появилась возможность облегчить тяготы, лежавшие на крестьянском хозяйстве, меньше взять с него в этом году,

чтобы у крестьянства остались излишки, на которые оно будет чинить и поправлять хозяйство.

В 1923/24 году с.-х. налог исчисляется в 470 милл., потом эта цифра была снижена, когда определился неурожай в Поволжье. Собрано было в прошлом году 360 миллионов. В этом году с.-х. налог только в 280 милл. Из них еще 30 милл. будет льгот, т.-е. освобождены частично или совсем наиболее слабые хозяйства. Всего взято будет с крестьянства по с.-х. налогу 250 миллионов рублей. А в этом 1925 году урожай хороший, соберем значительно больше прошлогоднего. Значит в крестьянском хозяйстве продуктов будет больше чем год назад, а налогу крестьянство заплатит много меньше. Выходит, что теперь у крестьянства наша власть оставляет излишки, чтобы на них оно подкрепило свое хозяйство.

Но одного снижения с.-х. налога мало. Для под‘ема сельского хозяйства нужен ряд других мер, которые дадут настоящий толчок развитию прои водительных сил деревни.

Нужно в первую очередь пробить брешь в затяжной безработице. До сих пор у нас в деревне действовали наши законы о труде 1921/22 г., которые совсем не соответствуют теперешнему положению дела. У нас крепкое крестьянское хозяйство зачастую отказывается от привлечения нужной ему наемной силы, потому что мало подходят для его сельского производства правила найма: восьмичасовой рабочий день, высокие взносы на социальное страхование, выходные за 2 недели при увольнении и т. д. В таких условиях крепкий крестьянин не может привлечь работников по найму, а наша беднота в деревне тоже выражает неудовольствие. В городе, соблюдая правила найма, есть возможность обеспечить и интересы производства. Там, где производство должно итти беспрерывно (литье и т. д.) вводятся три смены,

практикуется „отгуливание“ после работы, превышающей установленные восемь часов. Деревенское производство тоже требует отступлений в определенные периоды (посев, пахота, сборка) от нормированных часов труда. Но привить две-три смены к крестьянскому хозяйству, нанимающему работников, невозможно. Очевидно, что для разных хозяйственных систем требуются различные законы найма. Поэтому, чтобы дать толчок росту хозяйства, с одной стороны, содействовать сокращению безработицы с другой— наша власть вводит новые правила найма рабочей силы для деревни, которые облегчают возможность договаривающимся сторонам притти к соглашению об условиях найма. Разрешается более чем 8-ми час. рабочий день, снижаются размеры взносов соц. страхования. Перед государством стоит вопрос, что для содействия росту крестьянского хозяйства следует облегчить эти правила найма и переложить даже часть расходов на государственный бюджет. Можно ведь позволить сократить взносы по социальному страхованию, но нельзя остаться безучастным к больному батраку. Государство должно взять это на себя, расширить медицинскую и др. помощь. Кроме того, допуская добровольные соглашения между нанимателем и батраком, государство оставляет за собой надзор за всеми этими сделками и будет расторгать и преследовать всякие кабальные соглашения.

Далее по пути под‘ема сельского хозяйства и сокращения безработицы предпринят ряд льгот кустарям. Целый ряд кустарных производств вовсе освобождены от налога, если кустарничеством занимается семья кустаря и не более 1 взрослого наемного или трех учеников. Для ряда других кустарных производств введено значительное сокращение налога. Кустари совершенно освобождены от налога за право торговли изделиями своего труда. Эти льготы куста-

рям, с одной стороны, увеличат количество занятых в кустарной промышленности людей, содействуя этим некоторому сокращению безработицы, с другой стороны, возрастает размер всей кустарной продукции, которая будет дополнять собой не покрывающую крестьянского спроса крупную государственную промышленность.

В тех же целях под'ема сельского хозяйства вводятся значительные изменения и в отношении права аренды земли. Резолюция по этому вопросу III Всесоюзного С'езда гласит: „В целях наилучшего использования земельной площади и помощи бедноте, не имеющей возможности за недостатком средств и инвентаря отработать свою землю,—устранить препятствия к более широкому использованию права крестьян сдавать землю в аренду до двух севооборотов при многопольи и на срок не свыше 12 лет при трех-и четырехпольи“.

Все перечисленные мероприятия, взятые вместе, дадут в результате большее втягивание всей массы крестьянских хозяйств в товарооборот, приведут к развязыванию рыночных отношений в деревне, быстрее станет расти сельское хозяйство.

Помощь маломощным хозяйствам.

Конечно, мы все хорошо знаем, что нельзя одинаково говорить обо всем крестьянстве. Есть крестьянские хозяйства крепкие, зажиточные, они уже выбились и стали на ноги. Есть середняцкие хозяйства, есть и бедняцкие, неимущие.

Под'ем их пойдет неодинаково. Более сильные хозяйства теперь смогут расти быстрее, пользуясь возможностью найма рабочей силы и аренды земли. Эти хозяйства не нуждаются в поддержке государ-

ства и станут сами расти на основе тех льгот и мероприятий, которые проведены теперь в деревне. Другое дело под‘ем маломощных, слабосильных хозяйств. Им без помощи со стороны никак не выбиться. Раз нет лошади, сохи, семян—куда ни верти, а своими силами на ноги не станешь.

Вот и может на первый взгляд показаться, что от новых советских законов польза одному кулаку будет. Он будет расти, нанимать батраков, арендовать у них землю, превратится чуть не в помещика. Значит выходит, как будто, что советские законы как раз ему подходят, что власть за него, его интересы соблюдает, а про бедноту не вспомнила,

Такие разговоры кое-где уже слышатся—там, где больше несознательности, где никто не раз‘яснил еще в чем заключается политика власти. А дело-то обстоит совсем не так.

Рабоче-крестьянская власть и сама хорошо учитывает: что в результате ряда мер, содействующих под‘ему крестьянских хозяйств, расти они будут неодинаково и вперед пойдут укрепляться более крепкие хозяйства. Вот для того, чтобы дать возможность подниматься и хозяйствам бедняка и середняка, Советская власть будет принимать ряд дополнительных мер, которые будут содействовать росту этих хозяйств, чтобы они не отставали в под‘еме от хозяйств крепких.

Меры эти должны заключаться в помощи кредитом, в об‘единении крестьянства в кооперацию, в землеустройстве, в облегчении пользования лесом, предоставлении части земли из государственных фондов.

Конечно, каждый знает, что у нашей казны нет таких средств, которые удовлетворили бы полностью нужду крестьянства в кредите. Казна наша располагает только теми средствами, которые дает оборот

нашего хозяйства, потому что, как известно, со стороны нам никто денег не только даром не дает, но и не одалживает. Поэтому, чтобы могло расти наше кредитование недостаточно усилий только государственной власти. Надо, чтобы и само крестьянство пошло здесь навстречу, и свои сбережения, которые у него станут накапливаться, не держало в чулке или в „подземельном" банке, а несло в сберегательные кассы или в кредитные товарищества, в кредитную кооперацию. Это даст возможность увеличивать размеры кредита, делать кредит более дешевым, устраивать его на более продолжительный срок.

По вопросу о кредитовании крестьянства III С'езд Советов постановил увеличить в ближайшем году средства Центрального с.-х. банка не менее чем на 100 милл. рублей.

Далее, большую роль в под'еме наших более слабых хозяйств должны играть другие виды кооперации. Тов. Каменев в докладе на III С'езде говорит о ее значении следующее:

„Многомиллионное крестьянство, маясь над землей, бедствуя над ней и с ней, спрашивает себя, где же путь исхода. Путь исхода от мелкого раздробленного крестьянского хозяйства, путь его соединения с техникой и наукой, путь увеличения благосостояния крестьянства лежит через об'единение мелких крестьян, мелких земледельцев в крупные кооперативные союзы, которые позволят этому крестьянскому хозяйству использовать все те завоевания, которые мы делаем в других областях".

Задача сельско-хозяйственной кооперации об'единить крестьянское хозяйство в области сбыта, снабжения и кредита.

Возьмем один маленький пример, который наглядно покажет нам, как может кооперация помочь крестьянству. Под Москвой, Ленинградом и др. круп-

ными городами в окрестных деревнях крестьяне продают свое молоко в городе.

Как они это делают?

Ежедневно тысячи молочниц-крестьянок тащат на себе два, а иногда и три тяжелых бидона от деревни до ближайшей жел.-дор. станции, покупают проездные билеты, приезжают, положим, в Москву. Пригородные поезда битком набиты этими молочницами. В Москве они на себе разносят молоко по домам.

И этим делом заняты тысячи людей.

А при кооперации дело вышло бы иначе. В каждой деревне довольно было бы двух-трех работников, которые принимали бы на пункте молоко тут же от своих крестьян, отправляли бы его на лошади или автомобиле до станции, грузили багажом и таким же путем развозили бы в городе по квартирам. Никакой нужды ежедневно тратить время и силы на поездку в город у тысяч крестьянок не было бы.

Еще хуже обстоит дело в селениях, далеко отстоящих от железной дороги и от городов. Там вообще молоко некуда продавать, а везти его в одиночку слишком дорого: не окупится. Там, если заведешь лишнюю корову, то от нее один убыток. Зато, если крестьяне в этих деревнях кооперируются в молочную, скажем, кооперацию, то можно развить прекрасное и доходное молочное хозяйство, так как через кооперацию можно будет организовать сбыт молока.

В целях поддержки этой кооперации Советская класть будет всемерно ей помогать и содействовать ве росту. Кооперация должна у нас служить средством втягивания крестьянства в социалистическое строительство. Особенное значение приобретает она с настоящих условиях при тех новых мероприятиях, воторые предоставляют некоторую возможность для

более крепких хозяйств использовать развитие хозяйства в своих целях. Именно кооперация должна явиться оружием против злокачественного превращения деревенской верхушки в кулаков.

Подведем теперь итоги всему сказанному.

Значит, основная цель, которая поставлена Советской властью, заключается в том, чтобы обязательно подтолкнуть вперед развитие и рост сельского хозяйства. Для этого проведен целый ряд мероприятий, которые облегчают возможность этого роста. Но так как мощность крестьянских хозяйств неодинакова, то на основе этих мероприятий, прежде всего и собственными силами станут расти более крепкие хозяйства. Задача Советской власти состоит в том, чтобы всячески помочь кредитом, кооперацией и др. мерами под'ему и слабосильных, маломощных хозяйств, чтобы рос, не отставая от зажиточного, и бедняк и середняк. В общем итоге получится рост всего народного хозяйства, положение государства упрочится, все больше средств можно будет бросать на дальнейшее укрепление и помощь слабым хозяйствам.

Нет сомнений, что крестьянство одобряет все новые мероприятия и понимает, что они ведут к упрочению благосостояния самого крестьянства и всей страны. На основании этих мер крестьянство будет судить, какую политику ведет рабочая власть и насколько общи интересы у крестьянства с рабочим классом.

Как рабочая власть обеспечит крестьянину сходную цену на его продукты.

Остановимся еще на одном вопросе, который играет большую роль в прочности союза рабочих и крестьян. Это вопрос цен на продукты крестьянского хозяйства.

Все мероприятия по под'ему сельского хозяйства будут крестьянству не нужны, если цены его продуктов будут такие низкие, как было при «ножницах». Вот и в этом вопросе Советской власти нужна, значит, определенная политика. В старое время крестьянин был на первый взгляд свободным собственником своих продуктов, но, когда он их привозил на рынок, то он там вовсе не был свободен установить цену на свой хлеб, а на рынке его ждала готовая цена, которую устанавливали капиталисты-торговцы хлебом на таком уровне, чтобы им как следует нажиться на крестьянине. Крестьянин не знал, кто ее установил, он только подчинялся и проклинал судьбу, которая не давала вознаграждения за его каторжный труд.

А как было у нас в прошлом году? Были установлены лимиты на хлеб, то-есть цены, выше которых ни одна государственная организация хлеб не покупала. Тут уже крестьянину прямо казалось, что Советская власть мешает ему брать хорошую цену за хлеб, мешает продать дороже. Поэтому твердые прошлогодние цены вызывали недовольство у крестьянства. Но иначе Советская власть тогда действовать не могла. В стране был частичный неурожай. Государству нужно было поскорее скупить много хлеба, чтобы обеспечить на зиму армию и рабочий класс, городское население хлебом. Госорганы стали скупать хлеб, а так как в предложении его было немного, то и цена на него сразу поднялась. Платить же за хлеб слишком высокие цены—это значило поднять и заработную плату, удорожить цену промышленных товаров, опять вернуться к ножницам, к непрочным деньгам.

Вот почему государство должно было сказать крестьянству: „выше такой-то цены я тебе платить за хлеб не могу, ибо иначе поднимутся цены на

городские товары, упадут наши твердые деньги и ты, крестьянин, от этого еще больше потеряешь".

В этом году, когда разговоров о неурожае нет, не предвидится нехватки в хлебе, государство сможет регулировать цену на хлеб иначе: усилением или ослаблением закупки его своими органами, которые являются основными покупателями у крестьянства. Если хлеб на рынке будет падать в цене, тогда станет вопрос об усилении вывоза за границу, ибо иначе цена будет падать все ниже и ниже. Во всяком случае политика Советской власти в отношении цен на с.-х. продукты такова, чтобы не давать им падать, чтобы у крестьянства не пропадал интерес к развитию хозяйства.

Если мы теперь спросим себя: как же думает наш крестьянин, удовлетворяет ли его та политика, которую ведет теперь Советская власть. Послужит ли она закреплением союза двух основных классов, на котором построена вся советская система. Двух ответов на этот вопрос быть не может. Крестьянство воочию видит, что рабочий класс, придя к власти, ставит своей основной задачей всемерное содействие и помощь под'ему крестьянского хозяйства. В основе союза двух классов лежат глубокие здоровые корни, они обеспечивают прочность и нерушимость союза на долгие годы. Экономические интересы крестьянства не расходятся с интересами пролетариата, крестьянин знает, что никакая другая власть не создаст ему лучших условий.

Есть еще один вопрос, от которого зависит прочность рабоче-крестьянской смычки. Это—участие крестьянства в управлении страной. Только буржуазия боялась и страшилась допущения к государственному аппарату широких трудящихся масс. Старая власть покоилась на одном исправнике и десяти урядниках, державших в трепете целый уезд. Перед

рабоче-крестьянской властью стоят совсем иные задачи. Как в городе вовлечены в советы и общественные организации массы передовых рабочих, так и в деревне стоит задача вовлечь в сельские организации лучшую часть крестьянства. Крестьянство должно почувствовать, что Советская власть—это действительно его власть, что оно не только само избирает свои советы, но и направляет их деятельность на удовлетворение крестьянских нужд. Весной нынешнего года была проведена широкая кампания по оживлению советов: постановлением ЦИК'а были проведены перевыборы там, где на выборах в советы участвовало меньше 30% крестьянства. Теперь перед нами стоит задача вовлечения лучших крестьянских сил и в центральные органы власти, имеющие общение с деревней, Народный Комиссариат Земледелия, Народный Комиссариат Здравоохранения, Народный Комиссариат Просвещения и др.

Заключение.

На протяжении почти четверти века проследили мы ту величайшую силу, которая играла решающую роль во всех важнейших исторических событиях этого периода, проследили разные формы, которые принимал союз рабочего класса с крестьянством. В разные моменты, в разных условиях этот союз имел разный характер и покоился каждый раз на иной основе. Сперва это был *союз революционной борьбы*, сначала (с 1905—1917 г.) – против самодержавия и помещиков, на которых самодержавие держалось, затем (с февраля по октябрь 1917 г.)—против буржуазии и помещиков, стремившихся после революции захватить выпавшую из рук самодержавия

власть, эксплоатировать по прежнему рабочих и не отдавать земли крестьянам. Октябрь явился периодом совместной борьбы за мир и за землю.

Потом это был *военный союз*, союз защиты завоеваний революции—суровое и героическое время гражданской войны.

Наконец, со времени новой экономической политики, рабоче-крестьянский союз приобрел, как мы видим, совсем иной характер: он стал *союзом хозяйственным*, а задачей его является: по-новому перестроить нашу жизнь и хозяйство,—так устроить их, чтобы и рабочий и крестьянин оба зажили бы во много раз лучше, чем жили во время капитализма.

Хозяйственный, экономический союз рабочего класса и крестьянства есть основа строительства нового общественного строя коммунизма.

Вот уже восемь лет рабочие и крестьяне рука об руку идут вместе по тяжелой трудной, но славной дороге, по пути к устроению для себя лучшей жизни, чем они имели раньше. Много у них есть врагов явных и тайных, пришептывающих им о том, что крестьянину не по пути с рабочим. Хорошо знают враги народа, что, если союз рабочих и крестьян не нарушится, то не придет никогда для них праздник: сесть на шею можно только отдельно рабочему и отдельно крестьянину.

Это должен хорошо помнить и рабочий и крестьянин. Рабочий должен доказать крестьянину, что пролетарская власть все свое внимание уделяет подъему крестьянского хозяйства, улучшению трудной крестьянской доли, крестьянин должен понимать, что Советская власть для него лучше и выгоднее, чем всякая другая. В тесном союзе пойдут дальше два основных слоя трудящихся: пролетарии и крестьяне, совместными усилиями построят они новую жизнь,

где не будет эксплоатации, не будет войн и насилий. Много трудностей еще на пути, но дело, за которое взялись миллионы тружеников, не может не победить.

Под знаменем союза, под мощным взмахом пролетарского молота и крестьянского серпа придет человечество к этой новой жизни, к коммунизму!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

